

ГЛАВА 2

— Меня зовут Сяоху, — она обронила, словно невзначай, и взмахнула пушистыми ресницами, как бабочка крыльями. Мой меч со свистом взрезал воздух и замер над её головой.

Я вспомнил девочку, с которой играл в детстве: неожиданная гостья упала и ободрала коленку, а ресницы так же нежно трепетали, когда она пыталась не заплакать. Когда же это было? Точно не знаю. Кажется, появилась моя мама и принялась её успокаивать. Губы сложились трубочкой, она дула на рану, а кровь — наверное, виденная мной впервые — не давала отвести взгляда.

Мог ли я ранить девушку?

— Не двигайся, — рыкнул я. Не думал, что мой голос может звучать так грозно и хрипло. — И не дёргайся.

Я приставил клинок к её горлу — плотно, но так, чтобы не ранить. Свободной рукой принялся расстёгивать

на ней доспехи. Ночь почти окутала нас. Девушка смотрела внимательно, не отводила глаз, не пугалась, не смущалась, словно была готова к любому исходу. А вот я покраснел, когда понял, на что это похоже. Сморщился от раздражения и только резче стал сдёргивать латы. Хотел оторвать рукава нижней рубахи, чтоб связать ей руки, но нашёл на поясе верёвку.

— Повернись! Даже не думай артачиться.

Я убрал меч, придавил коленом спину девушки, связал ей руки и рывком поднял на ноги. Украдкой поглядел на её мягкий профиль и щёку, похожую на медовую белую сливу.

— Пойдёшь со мной в лагерь. Там расскажешь всё о своих союзниках, — опомнился я.

— Надеешься подлизаться к папочке?

— Да что ты о нас знаешь?!

Как же злило её заносчивое спокойствие! Будто это я стоял перед ней связанный и безоружный. Способен ли я причинить боль женщине? Я ещё сам не знал ответа на этот вопрос, но одно было совершенно ясно: необходимо выяснить, кто стоит за нападением. Я не мог появиться перед отцом полностью поверженным, без ответов и оправданий.

— Несложно догадаться, что тебе нужна передышка, — насмешливо отозвалась она. — Поесть, поспать. Готова поспорить, ты не найдёшь дорогу назад в темноте.

— Даже в темноте я чувствую, как ты ухмыляешься, — недобро буркнул я, подталкивая её в спину, как мне казалось, в сторону лагеря. — Шагай молча.

Мы потихоньку спустились по склону холма. Ночь, глухая и безлунная, окутывала нас покрывалом шорохов и запахов. Откуда взялся здесь свежий и горький аромат хризантем? Они не цветут по весне. Неужели так пахнет кожа моей пленницы? Я вздрогнул от невольного желания прижаться к ней. Тепло её тела и запахи осенних цветов разгоняли пробирающий мороз.

— Откуда ты взялась... Сяоху? — тяжело выдохнул я, не сумев сдержаться.

Слишком устал, чтоб быть грозным, да и живот уже протяжно выл от голода: в последний раз я ел на рассвете. Впереди что-то чернело, будто поле ни с того ни с сего обрывалось в бездну. Задумавшись, я споткнулся о корягу, упал, прокатился вниз по склону и замер на спине.

Пленница стояла спокойно, не пытаясь сбежать или освободить руки. Только её смеющиеся глаза говорили о том, что выгляжу я дурак дураком.

— Зачем ты напала на меня?

— Ты сам свалился.

— Не сейчас. — Мелкая россыпь звёздных бусин холодно мигала надо мной. — Раньше.

— Ты сбежал, я догнала.

— Ещё раньше. — Из рта поднялось едва заметное облачко пара.

— Не скажу.

— И так понятно, что ты заодно с империей на востоке. — Я наконец сел и опёрся рукой на колено.

Она опустилась рядом.

— Тогда мог и не спрашивать.

— Настоящая заноза.

Похолодало. Ночь принесла другие ароматы, во влажной земле просыпалась новая жизнь. Я поморщился. Полученные днём раны ныли.

— А ты совсем не такой, каким представлялся...

Я нахмурился, но Сяоху продолжила не моргнув и глазом:

— У меня есть еда.

— Хочешь меня отравить? Или прирежешь во сне?

— Я могла бы тебя убить хоть сейчас, но нам обоим нужно остыть и подумать.

Она вынула из-за спины свободную руку и протянула мне смотанную верёвку. Сердце пропустило удар, я вскочил.

— Если хочешь, я пойду с тобой, Ван Гуан... — Она впервые назвала меня по имени, и звучало оно прищипывало. — Но сейчас нужно устроить привал.

Порыв промозглого ветра всколыхнул её чёрные волосы. Сяоху достала из рукава две паровые булочки, бледные, как полная луна, и протянула мне одну. Я осторожно откусил кусочек. Тесто расплылось на языке нежно и сладко.

Мы выбрали место посуше и сели напротив друг друга. От еды меня разморило, Сяоху больше не вызывала во мне ужаса, лишь любопытство. Она не убежала, и я, осмелев, предложил:

— Ложись, посторожу.

Сяоху кивнула и устроилась на пушистой земле, как на мягком топчане, по-детски подложив под щёку ладонь. Тонкое лицо сразу стало беззащитным,

нежно-округлым, как у фарфоровой куколки. Она чуть не убила меня, её сообщники разгромили моё войско — и вот злодейка дремлет у моих ног как ни в чём не бывало, словно мы старые друзья. Сяоху не боялась меня ничуть, а вот мне стоило ожидать подвоха. Я разглядывал её, гадал, что ей снится, сам твёрдо решив, что не усну до утра.

Рассвет застал меня врасплох.

Я сонно продрал глаза. Вокруг колыхался молочно-белый туман. Вопреки ожиданиям, я не замёрз, словно укутанный чем-то невесомым и тёплым. Белёная пелена покрывала всё вокруг, а в нескольких шагах от меня земля и вовсе обрывалась бледной, чуть голубоватой дымкой. У этой кромки присела Сяоху и, зачерпывая горстями матовую жидкость, срывающуюся непослушными каплями, умывалась, впитывала кожей бархат озера.

Я почувствовал, как сухо в горле, и нетвёрдо направился к ней. Меня мучила вина, что не смог совладать с собой и так беспечно уснул рядом с врагом. Но тем не менее Сяоху меня всё ещё не прикончила.

Вода была чистой, свежей, совсем ледяной — пальцы свело от холода. Зато она оживила рот и омертвевший язык, и я наконец сумел заговорить:

— Давно проснулась?

Глаза Сяоху сияли, словно гагаты, мокрые ресницы стали ещё чернее и длиннее. Она наблюдала за мной так внимательно, что я забыл все слова. В конце концов она сжалась, отвела взгляд — я снова мог дышать. И понял, как безнадежно пропал.

— Так ты знаешь дорогу к лагерю или нет? — насмешливо улыбнулась девушка.

Пришлось идти вдоль берега в надежде отыскать чей-нибудь дом. Туман рассеивался, обнажая сверкающую гладь озера. Мы увидели маленький причал с привязанной лодчонкой. Деревянные сваи украшала паутина, вся в жемчужинах росы. Вдалеке над горой поднимался дымок.

Если бы не этот живой сигнал, мы бы ни за что не нашли дом, утопленный в склоне горы. Яодун* состоял из квадратного двора-ямы и нескольких подземных комнат. Мы с Сяоху прошли подземным коридором, в конце которого нас встретила робкая весенняя зелень и лиловый ковёр крокусов. Рядом с цветами стояла на коленях женщина. Заметив нас, она поднялась. Ханьфу цвета нежной фисташковой мякоти, слишком тонкий для морозного утра, был небрежно запахнут, в ворота выпирали ключицы. Подчёркивая худобу, кожу украшали узоры: размашистые мазки краски от толстой кисти маоби и тонкие линии от гуйби**.

— Куда путь держите? — спросила хозяйка, пока я бесстыдно любовался орнаментом. Она улыбалась.

— Меня зовут Сяоху, а это сунди***, — отозвалась моя удивительная попутчица. — Мы заблудились и проголодались. Нам бы выбраться к ближайшему городу.

---

* Яодун (*кит.*) — дом-пещера; традиционные дома, расположенные на Лёссовом плато в Северном Китае.

** Гуйби (*кит.*) — капелька; самая тонкая кисть.

*** Сунди — традиционное обращение к младшему брату.

— Можете позавтракать у меня и отдохнуть. — Хозяйка махнула рукой в широком рукаве, как выюрок-зеленушка крылом, и быстро упорхнула в дом.

Мы вошли в кухню. В маленькой комнате пахло густым свиным бульоном и ямсом. Запах был застарелый, ввевшийся в пористые стены, вдоль которых шатким нагромождением стояли корзины с желудями, каштанами и грецкими орехами. Из-под потолка сизыми головешками глядели связки вяленой хурмы. Единственный белый мешок ярким пятном присел враскоряку в углу.

На огне кипела каша из местного проса. Хозяйка подняла крышку, облачко пара вырвалось наружу и сразу растаяло в нагретом воздухе. В чан посыпались финики унаби и кругляши сушёного яблока. Землистый аромат пшённой каши смешался с тёплым осенним запахом распаренных сухофруктов.

— Можете расположиться здесь, — кивнула хозяйка, и мы с Сяоху опустились на топчан, набитый соломой.

Женщина сняла с огня чугунок и поставила другой, поплоче. Мне всё хотелось спросить её имя, но Сяоху больше не проронила ни звука, и я не смел заговорить первым. Напряжение между женщинами явно нарастало, но я ничего не понимал.

— Подойди нарежь, — велела хозяйка.

Стол заменяла мраморная плита, холодная и гладкая, — неизвестно, какими силами её сюда затащили. Я взял здоровый тесак и принялся нарезать стебли сахарного тростника короткими кусочками, руки

тут же стали липкие и сладкие от сока. Женщина при-
близилась сзади, провела ладонью по моему пред-
плечью, я затылком чувствовал, как её взгляд ощупы-
вает меня.

— Он невкусный, — без тени эмоций заметила Сяоху.

— Смотри как приготовить, — отозвалась хозяйка
и бросила нарезанный тростник в раскалённый чу-
гунок.

Резко и сладко запахло наслаждением: жжёным
сахаром и терпкими травянистыми волокнами. Что-
бы сделать карамель, женщина энергично поме-
шала в жаровне деревянной лопаткой, облизала
паутинно-тонкие пальчики и подмигнула. Сяоху
молча вышла.

Хозяйка сняла посудину с огня, часть загустевшего
сиропа вылила прямо на гладкую столешницу, а осталь-
ное оставила остывать так, разровняла лопаткой и ото-
шла к корзинам. Набрав горсть орехов, она ссыпала их
мне в руку, а потом на самом большом показала, как
колоть скорлупки и украшать будущие леденцы.

Мы стояли бок о бок. Она разравнивала густую
сладкую массу и разделяла на маленькие квадратные
кусочки, а я сыпал на каждый орешки и слегка вдавли-
вал. Потом она вдруг привстала на носочки и косну-
лась губами моей шеи. Я вздрогнул. Стало нестерпи-
мо душно.

— Не надо, — хрипло вырвалось у меня.

— Позови сестрицу, каша готова.

Я вышел наружу. Сяоху сидела на коленях возле
цветущих крокусов, как прежде хозяйка. Сиреневые

лепестки кружили в воздухе, словно заколдованные, а Сяоху, играя, тихонько водила над ними рукой.

— Это ты согрела меня ночью? Ты владеешь волшебством...

— Возможно, — переливчато ответила она.

— Спасибо, — выдохнул я, не зная, о чём ещё мне дозволено будет узнать. — Вернёмся поесть?

Над тарелками с кашей поднимался пар. Сытное сладкое угощение убаюкало внутренний дух, растревоженный всем произошедшим. Теперь мне спокойнее думалось о возвращении к отцу. Не станет же он меня убивать за проигрыш могущественному демону? Кто Сяоху — и кто я по сравнению с ней? Шансов у моего отряда не было. Но что она задумала и зачем пошла со мной?

— Какие вы скромные и молчаливые, — пропела хозяйка, вздёрнув уголки губ.

Тростниковые карамельки играли на языке, пощипывали задористо.

— Что означают узоры на вашей коже? — спросил я.

— А разве красивое обязательно должно что-то значить?

Хозяйка положила ладонь мне на бедро. Я опустил взгляд. Под ногтями у меня грязь, на лицо, наверное, страшно смотреть. Раны назойливо ныли. Едва ли я мог представлять интерес для этой ласковой и приветливой особы.

— Наверное, да, — помолчав, ответил я.

— Идём со мной.

Мы поднялись. Солома в тюфяке зашелестела.

— Сяоху? — обернулся я.

Она лишь еле заметно качнула головой, осталась сидеть и глядела на меня оценивающе, с каким-то невыразимым немым вопросом.

Я хотел ответить, но не понимал, чего Сяоху ждёт. Она словно испытывала меня.

Мы с хозяйкой прошли через двор в комнату напротив. Проход закрывало развешенное одеяло. В глиняных горшках без крышек стояли краски: некоторые разведены совсем жидко, а другие почти застыли.

— Я хуапигуй, женщина с раскрашенной кожей. Я рисую узоры, это приносит радость в мои дни, — лаконично пояснила хозяйка. — Иди ко мне, я покажу, как это приятно.

Она взяла кисть с пушистым кончиком, скользнула в ворот моей рубахи ледяной ладонью и спустила его с плеча. Её прикосновение пришлось по коже заморозком, а потом она макнула кисть маоби в краску и ласково провела по моей груди. След остался пунцово-розовый, как свежие цветки магнолии.

— Если позволишь, — её шёпот обжигал ухо, — я бы хотела сделать с тобой всё... самое... интересное... что умею.

Она потянула вниз, и мы опустились на колени. Тело дрожало от холодных касаний и нетерпения, но что-то было не так. Сяоху осталась там одна. Такая равнодушная... Что, если она специально заманила меня сюда? Что, если хуапигуй — не просто

женщина, что живёт в одиночестве среди холмов и лесов? Не мудрая отшельница, не грустная вдова — а чудовище?

Я вскочил на ноги. От резкого движения закружилась голова.

— Куда же ты? Иди, я согрею тебя. — Хуапигуй тянула меня за руку.

Я попытался вырваться, но она уже прижалась ко мне. Хрупкое тельце — настолько худое, что я чувствовал рёбра и острые уголки ключиц, — мелко подрагивало. Рот непропорционально расширился, обнажая острые зубы.

Я наклонился, схватил один из горшков и ударил её. Хуапигуй зашипела.

— Осёл! Мне нужна крас-с-ска! Она защищает человеческую кож-ж-жу! Поз-з-звояет носить её дольше! Что ты наделал!

— Нет!

— Теперь мне нуж-ж-жна твоя!*

Она метнулась вперёд и впилась зубами в плечо. Руку пронзила острая боль. А я так надеялся, что битвы и раны позади!

— Отпусти!

Я пытался отодрать нечисть, но она вцепилась намертво.

— Сяоху, помоги! — взмолился я, даже не рассчитывая, что она услышит. Но через несколько мучительных

---

* Хуапигуй — разновидность нечисти, которая ворует у людей кожу и присваивает её.

мгновений одеяло взметнулось, выпуская в комнату свет и свежее дуновение.

Сяоху светилась тёплым рыжим сиянием, за ней воздух дрожал и переливался, как летом над раскалённым камнем. Наверное, похожим теплом она согревала меня ночью.

Хуапигуй встрепенулась, наконец-то выпустив мою руку. Я зажал рану ладонью, но всё равно не мог остановить кровь. Сяоху наступала. Хозяйка пятилась от неё к стене, но жар всё усиливался и наконец стал почти невыносим. Я зажмурился и услышал вскрик, похожий на стон раненого оленя, а потом почувствовал прикосновение тёплых ладоней Сяоху.

— Надо перевязать. — Она нашла ткань и быстро всё сделала, лишь на мгновение задержав взгляд на следах краски, оставшихся на груди.

— Я этого не хотел, — почему-то смутился я.

— Знаю. — Она улыбнулась уголком губ. — Ты похож на засахаренную фиалку.

— Всё пошло наперекосяк с тех пор, как появилась ты! — Меня оскорбил и взбесил её снисходительный тон. — За что мне это?!

Не разбирая дороги, я помчался вон из яодун — на склон горы, туда, где молодая трава волнуется на ветру, где дышится свободно и видно сияющую гладь озера. Я бежал, пока не запыхался, а потом остановился, глядя на стаю журавлей вдалеке.

Из глаз катились злые непрошенные слёзы.

— За то, что ты сын своего отца, — раздалось у меня за спиной.

Я обернулся. Лицо Сяоху было серьёзным, даже суровым. Она не собиралась щадить мои чувства.

— Он ужасный человек, а ты его наследник. Кое-кто думает, что тебя нужно убить.

— Ты тоже так думаешь?

— Раньше думала.

— И что изменилось?!

— Я узнала тебя лучше. Ты не такой, каким тебя считают. Не такой, как твой отец.

Мне не хотелось видеть упрёк на её безупречном лице. Я отвернулся. Журавли взлетели, словно напуганные охотником. Сяоху положила руки мне на плечи.

— Я видел его всего несколько раз в детстве. Думаю, он бы и не вспомнил обо мне, если бы ему не сообщили, что мама умерла... — зачем-то проговорил я.

Сяоху повернула меня к себе и коснулась щеки.

— Милый, милый мальчик, — прошептала она.

Полы рубахи трепал ветер. Сяоху скользнула руками по моей спине, прижалась, отстранилась, погладила тонкую светлую кожу на груди.

— Сяоху...

Она положила руку мне на щёку, погладила большим пальцем, скользнула к затылку и притянула к себе мою голову. Наши губы соприкоснулись, сладкая влага захватила меня. Вкус карамели и аромат весеннего луга окутали нас и закружили.

Нежная и трепетная, но в то же время властная, Сяоху вела меня, наставляла, показывала то, чего раньше я и не представлял. Согретая весенним солнцем трава щекотала спину и колени, когда одежды были

сброшены. Я видел её лицо в тени на фоне глубокого лазурного неба, хотелось изучать каждую чётточку, но глаза сами собой закрывались от наслаждения.

Мы долго лежали на склоне. Я никак не мог восстановить дыхание и поверить в то, что между нами произошло. Она казалась неземной, будто вот-вот растает. И, к моему разочарованию, принялась одеваться первой.

Мы вернулись в дом. Сяоху велела поискать одежды и собрать дорожную сумку с запасом еды, чтобы на рассвете двинуться в путь.

— Ты можешь уйти на север, — сказала она, — далеко-далеко. Туда, где отец тебя не найдёт.

— Что я буду там делать?

— За землями кочевников есть ещё земли, там...

— Пойдём со мной? — прервал я, переплетая наши пальцы.

— Не могу, мне надо вернуться к семье.

Я хотел снова перебить её, предложить другое, но она продолжила:

— Нужно передать, что в тебе нет опасности, чтобы тебя перестали искать.

— А что будет с отцом и братом? Вы охотитесь за ними?

Она кивнула, опуская глаза.

— Мой отец... так ужасен? — Голос звучал глухо, мне не хотелось слышать ответ.

— Ты не знаешь? — Сяоху искренне удивилась.

Я кивнул.

— Я же говорил, мы жили отдельно.

— Ван Гуан, прошу, — она взяла моё лицо в ладони, — прошу, беги. Ты не захочешь видеть то, что случится дальше.

Я отстранился, мне не понравились её слова. По сути, она была такой же незнакомкой, как и отец. Паутина странных уз окутала меня, но я не мог просто так отступить от родни.

— Отец будет меня искать не меньше ваших... кем бы вы ни были. Я должен вернуться.

— Тем более тебе нужно скрыться. Ты сможешь начать новую жизнь в другой стране.

Она грустно улыбнулась и кивнула своим мыслям. Я посмотрел вдаль.

Позже Сяоху соорудила из бамбука и пергамента фонарик в виде лотоса, и мы пошли к озеру, чтобы упокоить дух хуапигуй. Солнце садилось по другую сторону холма, раскрашивая воду озера рыжим и подсвечивая облака.

— Теперь она сможет переродиться, — медленно произнесла Сяоху вслед уплывающему фонарику.

— Спасибо, что спасла меня.

— Откуда же ты взялся, такой дурачина? А говорили, страшен и жесток. Велели избавиться от тебя...

— Кто? — Её слова ужаснули меня. Едва ли кто-то мог так обо мне думать.

— Хочешь узнать? Тогда придётся отвести меня к твоему отцу и выпытать правду.

— Я не поступлю так, — сказал я совершенно искренне.

— Вижу.

Она невесомо коснулась моих губ своими, нежными, как лепестки роз, — я снова почувствовал аромат хризантем и опаляющий кожу жар. Порыв ветра толкнул меня, а когда я открыл глаза, Сяоху уже исчезла.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

